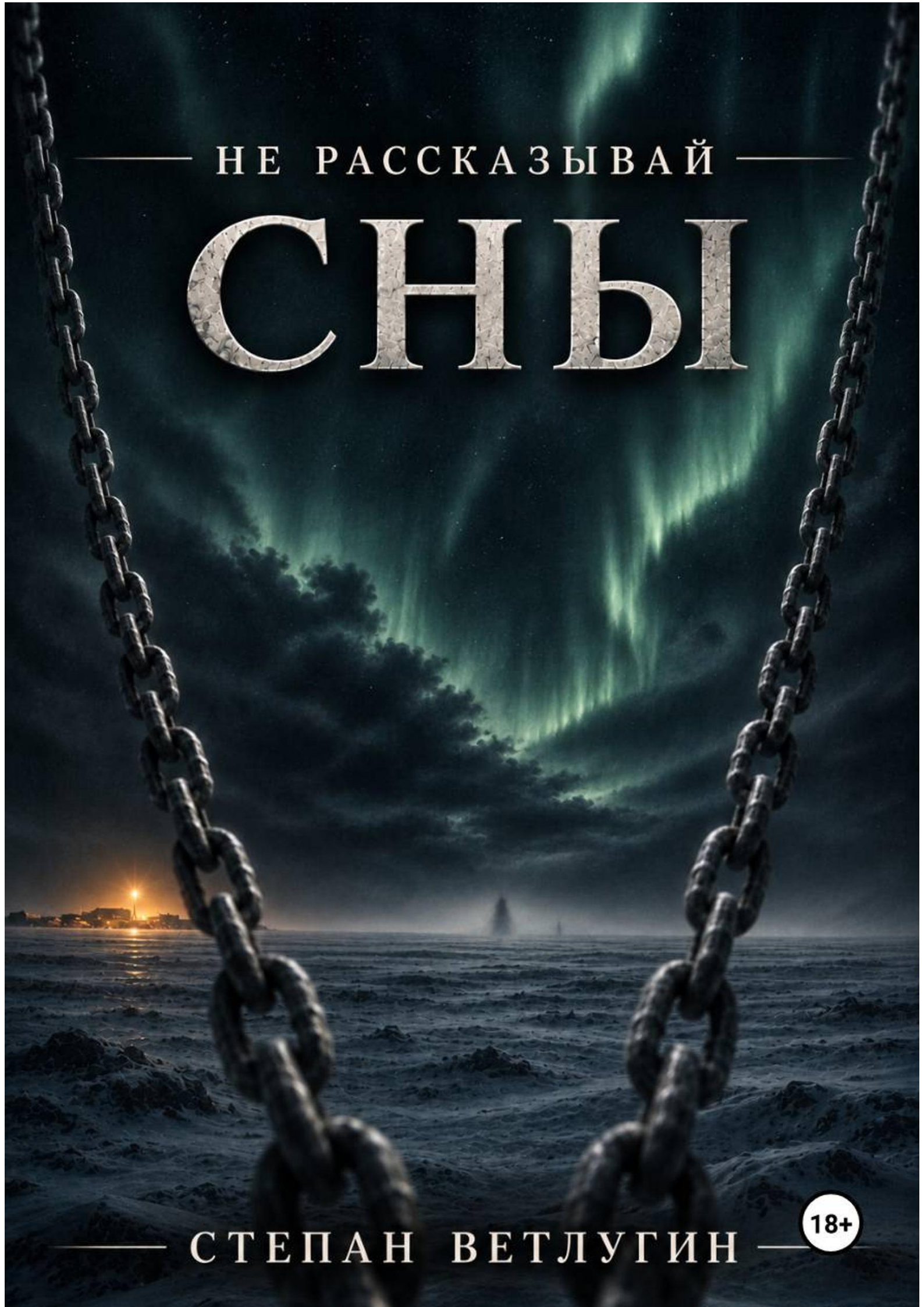

НЕ РАССКАЗЫВАЙ
СНЫ
СТЕПАН ВЕТЛУГИН
18+

Степан Ветлугин

Не рассказывай сны

«Автор»
2026

Ветлугин С.

Не рассказывай сны / С. Ветлугин — «Автор», 2026

Перед смертью им всем снилось одно и то же: серое поле, тихое и бескрайнее. И кто-то вдалеке.В Мостовом идёт полярная ночь, комбинат давно закрыт, а на весь город осталось три бригады скорой помощи. Фельдшер Илья Бувеев видел сотни смертей, но этой зимой всё совсем иначе: люди начинают умирать во сне — тихо, без причины, с пустыми лицами."Просто сон, — объясняет он испуганным людям. — Мало ли кому что приснится".Только в городе уже шепчутся, что такие сны лучше никому не рассказывать.

© Ветлугин С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полярная ночь 5
Глава 2. Утешение 9
Глава 3. Молва 14
Глава 4. Наблюдатель 18
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Степан Ветлугин
Не рассказывай сны

Глава 1. Полярная ночь

В Мостовом ночь начиналась в три часа дня и заканчивалась к одиннадцати утра, а в декабре и вовсе переставала делать вид, что когда-нибудь закончится. Илья Бувеев давно не замечал разницы. Свет над городом бывал двух видов: жёлтый, от фонарей, и серый, от неба. Второй отличался от первого только тем, что от него не было теней.

Подстанция скорой помощи занимала первый этаж бывшего общежития комбината. Второй и третий этажи пустовали с тех пор, как комбинат закрыли, и иногда по ночам сверху доносился звук, будто кто-то медленно ходит из угла в угол. Все знали, что это трубы. Вера тоже знала, но, проходя мимо лестницы наверх, всё равно незаметно крестилась.

Раньше на смене выходило по шесть бригад. После сокращения осталось три, в плохие ночи две, и тогда весь Мостовой — двадцать с небольшим тысяч человек, если верить отчётам, и меньше, если верить окнам, — делили между собой четыре фельдшера, два водителя и диспетчер Людмила Сергеевна, которая, кажется, спала ещё меньше Ильи.

В два сорок ночи Илья сидел в комнате отдыха над остывающим чаем. Вера сидела напротив с журналом сканвордов и карандашом за ухом.

— Ровное безлесное пространство, — Вера постучала ногтем по странице. — Четыре буквы.

— Луг?

— Луг три.

— Тогда не знаю.

— Ты никогда не знаешь, — беззлобно заметила она и отложила карандаш. — Сорок лет без малого на свете живёшь, а разговаривать так и не научился.

— Тридцать четыре.

Вера только махнула рукой.

Ей было под пятьдесят. Она водила скорую двадцать два года, курила тонкие сигареты, которые называла «дамскими», и верила одновременно в Бога, в гороскопы, в плохие приметы и в то, что ни один мужчина в Мостовом не умеет нормально чинить кран. В одну бригаду с Ильёй её поставили всего три недели назад, когда после сокращения перетасовали экипажи, но взялась опекать его с первой же смены, словно дальнего родственника, которого некому больше кормить. Он не возражал. Против Веры вообще мало кто возражал: она к тому моменту уже говорила о чём-то другом.

— Вот у Таньки моей, — начала она, и Илья приготовился слушать, — у племянницы, сон был на той неделе: будто у неё зуб выпал. Я ей говорю, Таня, это к покойнику, звони матери. А она смеётся. Двадцать лет девке, всё смешно. А в субботу у них соседка снизу...

Телефон на стене зазвонил коротко, два раза, как звонил только для вызовов. Вера замолчала на полуслове.

— Заречная, двенадцать, сорок, — раздался в трубке голос Людмилы Сергеевны. — Мужчина, шестьдесят один. Жена говорит, не дышит. Холодный.

— Едем. — Илья уже снимал с вешалки куртку.

* * *

Машина прогревалась долго. Вера ласково ворчала на неё, будто на старую собаку, и машина в конце концов поддалась. Они выехали со двора под жёлтым светом и сразу оказались под серым, потому что на Заречной фонари горели через один, а на въезде в микрорайон не горели вовсе.

Заречная была длинной улицей пятиэтажек, построенных для рабочих комбината в те годы, когда комбинату ещё нужны были рабочие. Река, в честь которой назвали улицу, давно ушла под бетон, и о ней напоминали только колодцы, из которых зимой поднимался пар. Половина окон была тёмной всегда, а не только ночью. Илья знал эти дома так, как фельдшер знает свой район: не по фасадам, а по подъездам. Здесь не работает домофон. Здесь на третьем этаже злая собака. Здесь лифта нет и никогда не было.

Двенадцатый дом стоял в глубине двора, торцом к пустырю. Пустырь тянулся до самых гаражей и дальше, и под снегом у него не было ни краёв, ни дна.

— Я с тобой поднимусь, — Вера заглушила мотор. — Жена одна, наверно. Чаю хоть ей сделаю.

Водителю подниматься было не положено, но Вера поднималась всегда.

Дверь сороковой квартиры была приоткрыта. В прихожей горел свет, пахло корвалолом и чем-то домашним, кислым, вроде квашеной капусты. Жена стояла в коридоре в халате, накинутом на ночную рубашку, и держалась рукой за косяк, будто квартира под ней покачивалась.

— Туда, — она махнула рукой в сторону спальни. — Я ничего не делала... потрогала только. Он холодный.

— Вы успокойтесь, — Вера мягко взяла её под руку. — Пойдёмте на кухню, присядете. Как вас зовут?

— Нина. Нина Аркадьевна.

— Пойдёмте, Нина Аркадьевна.

Илья прошёл в спальню.

Светила ночная лампа на тумбочке. Мужчина лежал на спине, укрытый до груди одеялом, руки поверх. Илья проверил пульс на сонной артерии, хотя проверять было незачем, посветил фонариком в глаза, потрогал челюсть. Окоченение уже началось. На шее, там, где кровь стекает вниз, проступали первые синюшные пятна. Часа три, решил Илья. Может, четыре. Умер во сне, не просыпаясь, не ворочаясь: одеяло лежало ровно, как его заправили с вечера.

За свою жизнь Илья видел много мёртвых. Он знал, как выглядят люди, умершие от сердца, и как выглядят умершие от удушья, от водки, от холода, от старости. У каждой смерти было своё лицо. У этой лица не было.

Понял он это не сразу. Покойники часто выглядят спокойными, это просто расслабляются мышцы. Здесь было другое. Лицо мужчины выглядело так, словно из него вынули что-то задолго до смерти, а смерть просто пришла и закрыла за собой дверь в пустую комнату.

На стене над кроватью висела фотография в рамке: тот же мужчина, моложе лет на двадцать, в рабочей куртке комбината, щурится на солнце и смеётся над чем-то, что осталось за кадром. Илья смотрел на неё дольше, чем было нужно. Он не мог бы объяснить зачем. Что-то в этом смехе царапнуло его, слабо, словно ноготь по стеклу в соседней комнате, и тут же отпустило.

Илья записал время констатации, вышел из спальни и прикрыл за собой дверь.

* * *

На кухне Вера уже поставила чайник и нашла сахар. Нина Аркадьевна сидела у стола, сжимая в руках телефон, будто ждала, что он сейчас зазвонит и всё прекратится.

— Мне очень жаль, — негромко произнёс Илья. — Сейчас я вызову участкового, так положено, когда человек умирает дома. Это недолго. Вам нужно будет ответить на пару вопросов. Как звали вашего мужа?

— Толя. Анатолий Лукич Звягин.

— Он чем-нибудь болел?

— Давление. Таблетки пил. Сердце, врач говорил, для его лет нормальное. — Она подняла на Илью глаза, светлые, мокрые. — Уставал только в последнее время. Ну так шестьдесят один год, у кого в эти годы сил много. И комбинат его подкосил, он там тридцать лет отработал.

— В чём проявлялась усталость?

Нина Аркадьевна помолчала. Вера поставила перед ней чашку, и она обхватила её двумя руками, но пить не стала.

— Спал плохо, — наконец ответила она. — Вставал как побитый. Ел мало. Сядет у окна и сидит. Я думала, возраст. — Она слабо улыбнулась. — Он ещё жаловался, что сон ему снится один и тот же. Поле какое-то.

Слово что-то тронуло в Илье, слабо, будто знакомое имя, которое никак не вспомнить. Он потянулся за ним, но мысль ускользнула, не успев сложиться, и через секунду он уже не помнил, о чём пытался подумать.

Вера, которая уже села на табуретку у окна, едва заметно подалась вперёд.

— Поле? — переспросила она.

— Ну да. Серое, говорит, плоское, и больше ничего. Каждую ночь, одно и то же. Я ему: ну и снится, Толь, и пусть снится. Не кошмар же. А он мне в ответ: лучше б кошмар.

Она замолчала. Слышно было, как гудит старый холодильник и как за окном, где-то над пустырём, ветер тянет одну длинную ноту.

Вера перекрестилась. Быстро, почти незаметно, щепотью у самого живота, чтобы никто не увидел, хотя видели все.

— Плохие сны рассказывать нельзя, — вполголоса проговорила она. — Бабка моя говорила. Приснилось плохое, держи в себе до обеда, никому ни слова, а лучше вообще никому. Расскажешь — сбудется.

— Вера, — одёрнул её Илья.

— А что Вера? Я ничего. Я просто говорю, как бабка говорила.

Нина Аркадьевна смотрела в чашку и, кажется, не слышала их.

— Месяц назад скорую вызывали, — вдруг вспомнила она. — Или чуть больше. Давление двести, он перепугался. Сидел с ними на кухне, вот тут, всё жаловался, что не спит совсем. А потом вроде начал спать. Я обрадовалась ещё. — Голос у неё дрогнул. — Дура. Обрадовалась.

— Вы не дура, — твёрдо возразила Вера.

Илья записал в карту вызова: давление, жалобы на слабость, со слов жены — нарушения сна. Подробности он писать не стал. Такое в карту не пишут.

* * *

Участковый приехал через сорок минут, сонный, с мокрым от снега воротником. Он задал Нине Аркадьевне те же вопросы, что и Илья, записал те же ответы, пожал ей руку и сказал, что утром приедут из морга.

Они спустились вниз, когда было уже начало пятого. Вера всю лестницу молчала, и это было на неё так не похоже, что Илья почти забеспокоился. В машине она закурила, хотя было строго запрещено, и приоткрыла окно. В щель ворвался холод.

— Жуть какая, — выдохнула она наконец. — Сон этот. Илюш, ну ведь правда же.

— Человек умер во сне. Шестьдесят один год, давление. Такое бывает.

— Бывает. А снилось ему что?

— Видится людям всякое.

— Всякое, — повторила Вера. — Ага. Каждую ночь одно и то же. «Лучше б кошмар». — Она затянулась и выпустила дым в щель. — У меня от её слов мурашки до сих пор.

Илья ничего не ответил. Он лишь кивнул и посмотрел в окно. Под серым небом лежал снег, без следов, без края. Где-то далеко, у гаражей, торчал столб с оборванным проводом.

— Поехали, — бросил он.

Вера выбросила окурок в снег, и машина, поворчав, тронулась.

* * *

До конца смены было ещё три вызова: давление, пьяный с разбитой головой, ребёнок с температурой под сорок. Обычная ночь. В половине девятого Илья сдал смену, расписался в журнале, надел куртку и вышел на улицу, где было так же темно, как в полночь.

Вернувшись домой, он почти сразу лёг спать. Однако, сон приходил к нему не как к другим людям. Илья не засыпал, а выключался, словно свет в пустой комнате, и так же, без перехода, включался обратно. Между этими двумя щелчками не было ничего. Так было с детства, и Илья давно перестал считать это странным.

В этот раз, перед тем как выключиться, он почему-то подумал о фотографии над кроватью. Эта мысль пришла случайно, и Илья не стал её обдумывать. Потом щёлкнул выключатель, и не стало ничего.

Глава 2. Утешение

Дверь напротив открылась ровно в тот момент, когда Илья повернул ключ в замке.

Она всегда открывалась именно так: не раньше и не позже, будто Тамара Ильинична стояла за ней часами и ждала. Может, так и было. Илья не знал, чем соседка занимает свои дни, и не хотел знать. Дверь приоткрылась, и в щели показалась часть лица: глаз, бледный, как вода в луже, и прядь седых волос, выбившаяся из-под платка.

— Доброе утро, Тамара Ильинична, — кивнул Илья.

Утром это можно было назвать только по часам. Было без четверти восемь, но за грязным окном на лестничной площадке стояла та же темнота, что и в полночь.

Старуха не ответила. Она смотрела на него, не моргая, и что-то беззвучно шевелила губами, будто пересчитывала. Потом произнесла, отчётливо и громко, так, как говорят пожилые с ослабевшим слухом:

— Ходишь и ходишь.

— На работу, Тамара Ильинична.

— По чужим домам ходишь, — продолжила она, не слушая. — Бабка твоя тоже ходила. Вся в неё порода.

И дверь закрылась. Щёлкнул замок, потом второй, потом звякнула цепочка.

Илья постоял ещё секунду, глядя на коричневый дерматин её двери, на котором кто-то из дворовых мальчишек давно, ещё в его детстве, выцарапал гвоздём слово «ведьма». Слово так и осталось нетронутым.

Илья жил в доме с девяти лет. Здесь была квартира его бабушки, и после её смерти мать переехала сюда вместе с ним, потому что так было ближе к школе и дешевле. Бабушка всю жизнь проработала участковой медсестрой, ходила по квартирам со шприцами и тонометром, и в иных подъездах её помнили до сих пор. Когда умерла мать, Илья остался один. Он ничего здесь не менял: тот же сервант с тусклым хрусталём, те же часы с маятником, которые давно не ходили, старый ковёр на стене. Не из любви к прошлому. Просто ему не приходило в голову, что можно что-то поменять.

Тамара Ильинична жила напротив столько, сколько Илья себя помнил. Когда-то, совсем давно, она приходила к его бабушке пить чай, и они подолгу сидели на кухне, разговаривая вполголоса. Маленький Илья запомнил её смех, громкий, совсем не старушечий. А потом бабушка умерла, и соседка больше ни разу не переступила их порога. На похоронах её не было. С тех пор она только смотрела на Илью через щель в двери, и чем старше становилась, тем страннее были её слова.

Тамаре Ильиничне было за восемьдесят. Маленькая, сухая, сгорбленная так, что казалась ниже дверной ручки, она круглый год ходила в одном и том же мужском пальто и сером пуховом платке, завязанном под подбородком. Лицо у неё было тёмное и мелко сморщенное, как печёное яблоко, а глаза, наоборот, светлые, почти бесцветные, и смотрели цепко, по-молодому. На шее она всегда носила на шнурке какую-то самодельную вещицу из ниток и тонкой проволоки, похожую на маленькое плетёное колечко. На улицу выходила редко, рано утром, когда в магазине у остановки ещё никого не было, и возвращалась молча, ни с кем не поговорив.

В подъезде её считали сумасшедшей. Таких в Мостовом хватало, и все они были безобидны.

* * *

До вечера всё шло как обычно: давление, температура, старик, упавший в ванной. В пять они вернулись на подстанцию, и телефон на стене тут же зазвонил.

— Строителей, семь, двадцать три, — сообщила Людмила Сергеевна. — Женщина, семьдесят два. Дочь звонит. Говорит, мать не отвечала с утра, пришла, а она в кровати. Не дышит.

Вера, уже натягивавшая куртку, замерла с одним рукавом.

— Опять во сне, что ли?

— Откуда я знаю, Вера, — устало отозвалась диспетчер. — Езжайте.

На Строителей было светлее, чем на Заречной: здесь стояли девятиэтажки, построенные позже, и фонари во дворах ещё горели. В подъезде пахло хлоркой. Лифт работал, и Вера перекрестилась, заходя в него, на всякий случай.

Дочь встретила их у двери. Ей было лет сорок пять, она была в пальто и не сняла его, будто собиралась уйти и не могла решиться. Лицо у неё было сухое и белое. Она не плакала. Илья знал это состояние: слёзы придут позже, может быть, через несколько часов, может быть, через несколько дней, когда закончатся звонки, справки и похороны.

— Она в спальне, — дочь отступила, пропуская их. — Я Ольга. Мама — Ремез Галина Сергеевна.

Галина Сергеевна лежала на боку, лицом к стене, подложив ладонь под щёку, как спят дети. Илья осторожно повернул её. Окоченение было полным: она умерла ночью, часов десять или двенадцать назад, и дочь нашла её только сейчас.

Он посмотрел ей в лицо, сам не зная, что ожидал увидеть. Лицо было обычным. Чуть удивлённым, как у человека, которого окликнули во сне, с полуоткрытым ртом и морщинкой между бровей. Живое лицо мёртвого человека, каких Илья видел сотни. Он поймал себя на том, что выдохнул, и сам не понял, откуда взялось это облегчение.

На комоде у кровати лежала стопка нот, сверху очки, рядом стакан с водой, нетронутый. На стене висели грамоты в рамках: «Ремез Г. С., преподавателю музыкальной школы № 1, за многолетний добросовестный труд». Музыкальную школу закрыли три года назад, вместе с половиной остального.

На кухне Вера уже усадила Ольгу за стол.

— Она болела чем-то? — спросил Илья.

— Сердце. Два инфаркта, в прошлом году стент ставили. Врач говорил, что остановка может случиться в любой момент. Мы вроде как были готовы. — Ольга смотрела на свои руки. — Я каждый день звоню. Утром и вечером. Вчера вечером звонила, она сказала, что ляжет пораньше, давит что-то в груди. Я ей говорю: выпей таблетку, вызови скорую. А она: не хочу никого беспокоить, отлежусь.

Илья кивнул и записал в карту: ишемическая болезнь сердца, постинфарктный кардиосклероз, со слов дочери — накануне давящие боли за грудиной. Обычная запись. Обычная смерть.

— А спала она как? — спросила вдруг Вера. — Сны ей не снились какие? Не рассказывала?

— Вера, — негромко остановил её Илья.

Ольга подняла на Веру непонимающий взгляд.

— Сны? — переспросила она. — Не знаю. Она про это никогда не говорила. А что?

— Ничего, — Илья закрыл карту. — Простите. Это не важно.

Вера отвернулась к окну.

* * *

В машине она молчала до первого светофора. Светофор не работал, мигал жёлтым, и Вера остановилась перед ним, хотя дорога была пустая в обе стороны.

— Второй, — наконец произнесла она.

— Вера.

— Второй, Илюш. За двое суток.

— Ей семьдесят два года и два инфаркта, — возразил Илья. — Ей врач говорил, что это может случиться в любую ночь.

— А Звягину тоже говорил?

Илья промолчал.

— Вот и я про то, — кивнула Вера. — А может, ей тоже серое это снилось. Дочка сама говорит: созванивались утром да вечером, и всё.

— Ты сама-то в это веришь? — спросил Илья.

— Да сама не знаю, — пожала плечами Вера. — А ты?

— Я верю в то, что двое пожилых людей с больным сердцем умерли во сне, — медленно ответил он. — Это я видел. Остальное — нет.

Вера тронулась, хотя светофор продолжал мигать.

— Я Людке расскажу, — бросила она.

— Зачем?

Вера не ответила. Она смотрела на дорогу, и Илья видел в свете приборной панели, как она поджала губы, тонкие, накрашенные старой помадой. Он понял, что расскажет. Не только Людмиле Сергеевне. К утру будет знать вся подстанция, а к вечеру — половина города. Он хотел возразить, но не стал. Вера всё равно разболтала бы, а спорить с ней было всё равно что с погодой.

* * *

До полуночи было тихо, потом прорвало: ДТП на въезде в город, без пострадавших, но с пьяным водителем, который требовал врача, бабушка с переломом шейки бедра, мальчик, засунувший в нос пуговицу. В половине третьего Людмила Сергеевна дала вызов на Октябрьскую.

— Девушка, двадцать девять. Сердцебиение, страх смерти. Сама звонит, плачет.

— Паника, — уверенно заявила Вера, заводя машину. — Спорим?

Илья не стал отвечать.

Квартира на Октябрьской была маленькая и очень чистая, даже слишком, как бывает у людей, которые наводят порядок, чтобы не думать. Девушку звали Оксана. Она открыла им в пижаме, с телефоном в руке, и её трясло так, что Вера сразу взяла её под локоть.

— Я умираю, — прохрипела Оксана. — Сердце... Оно сейчас остановится.

Илья снял кардиограмму на кухонном столе, между сахарницей и вазой с засохшими ромашками. Она была как у космонавта: учащённая, но чистая. Давление чуть выше нормы. Он объяснил ей это спокойно, медленно, глядя в глаза, тем голосом, который за годы работы у него выработался сам собой. Он был ровным и тёплым, хотя Илья этого не ощущал, просто знал, что людям нужен такой.

— Это паническая атака, — пояснил он. — Это страшно, но это не опасно. Сердце у вас здоровое. Вы не умрёте.

Оксана смотрела на него, вцепившись в чашку, которую ей сунула Вера.

— Это уже третий раз за месяц, — пожаловалась она. — Я не могу спать. Я боюсь засыпать.

— Почему боитесь?

— Мне всё время снится какая-то жуть. Каждую ночь разное. То я тону, то за мной кто-то гонится, то зубы выпадают. — Вера при этих словах едва заметно вздрогнула. — Я просыпаюсь, и сердце вот так, и я думаю, что сейчас всё. Я уже на работе засыпаю. Меня уволят скоро. — Она всхлипнула. — Скажите честно, я схожу с ума, да?

Илья сел напротив неё. Он делал так всегда, когда нужно было успокоить, чтобы оказаться с человеком на одном уровне. Этому его никто не учил. Просто однажды он заметил, что так люди слушают лучше.

— Нет. — Илья выдержал её взгляд. — От плохих снов с ума точно не сходят. Просто мозг разбирает за день всё, что накопилось. Когда человек устал и напуган, они становятся тяжелее. Это нормально.

Девушка смотрела на него недоверчиво, и тут заговорила Вера.

— Не бойтесь, Оксана, — она ласково коснулась плеча девушки. — Сны, когда разные, это ерунда, пусть снятся. Вот когда одно и то же каждую ночь, вот это да. У нас вон мужчине одному всё поле снилось, так он...

— Вера. — Голос Ильи стал жёстче.

Вера осеклась, но было поздно. Оксана перевела взгляд с неё на Илью, её пальцы на чашке сжались и побелели.

— Какое поле? — спросила она. — Что с ним?

Илья не стал оборачиваться к Вере. Он знал, что теперь нельзя ни промолчать, ни отмахнуться: недосказанное пугает сильнее любого рассказа, и к утру девушка додумала бы себе такое, от чего не спасёт ни один невролог. Нужно было договорить. Спокойно, медленно, всё тем же голосом.

— Был у нас пациент, — начал он. — Ему снилось одно и то же. Поле. Серое, пустое, без конца и края. Каждую ночь. Он тоже переживал, думал, что-то с ним не так. А это просто усталость. Человек немолодой, работа тяжёлая была. Ничего страшного. Жил себе человек и жил.

Вера у окна отвернулась.

Оксана моргнула. Что-то в её лице разгладилось, совсем немного.

— И больше ничего? — переспросила она. — Просто поле?

— Именно. Видите, кому-то и такое снится. А вам хотя бы интересно.

Она неуверенно улыбнулась, впервые за всё время. Илья посоветовал ей записаться к неврологу, хотя знал, что местный принимает раз в неделю и запись на два месяца вперёд, и пока не пить кофе после обеда и оставить на ночь свет в коридоре.

Когда они уходили, Оксана стояла в дверях, обхватив себя руками, и проговорила им вслед:

— Спасибо. Правда. Мне кажется, я сегодня усну.

* * *

В лифте Вера молчала. В машине тоже. Она дождалась, пока они выедут со двора, и только тогда заговорила, не глядя на него:

— Язык мой — враг мой. Дёрнуло же.

Илья ничего не ответил.

— «Жил себе человек и жил», — повторила Вера. — Ловко ты выкрутился.

— Ей нужно было успокоиться.

— Да понимаю я. — Она помолчала. — Такие сны рассказывать нельзя. Сама ж тебе твердила. И сама же первая ей и ляпнула.

Слова прозвучали без обычного её напора, тихо, почти виновато, как говорят вещи, в которые стыдно верить.

— Илюш. А если я ей теперь беду накликала? Плохой же сон.

Илья смотрел на дорогу. Фонари на Октябрьской горели через один, как везде, и машина шла из жёлтого света в серый, из серого в жёлтый.

— Это был не плохой сон, — тихо ответил он.

Вера посмотрела на него долгим взглядом, потом вздохнула и включила радио. Оно зашипело и нашло какую-то волну, где женский голос бодро рассказывал о погоде на завтра: облачно, снег, минус двадцать шесть, световой день ноль часов ноль минут.

* * *

Домой Илья вернулся в девятом часу утра. На лестничной площадке было темно: лампочку опять кто-то выкрутил. Он нащупал ключом замок и уже открывал дверь, когда услышал за спиной тихий щелчок.

Он обернулся. Дверь Тамары Ильиничны была закрыта. Но глазок в коричневом дерматине, на который он никогда раньше не обращал внимания, был тёмным, словно с другой стороны к нему прижимался чей-то глаз.

Илья постоял, глядя на него, а потом вошёл к себе.

Он не услышал, как за стеной старуха, отойдя от двери, долго стояла посреди своей тёмной прихожей и шептала одно и то же, раз за разом, как молитву или счёт:

— Второй... Второй... Второй...

Глава 3. Молва

К восьми утра о сером сне знала вся подстанция.

Илья понял это с порога. Разговор в комнате отдыха оборвался, и четыре головы повернулись к нему разом — так в школе оборачиваются на того, кого только что обсуждали.

— О-о, — протянул Костя Рябов. — Охотник за снами пожаловал.

Косте было двадцать шесть, он работал фельдшером третий год и всё ещё говорил всем, что уедет из Мостового «вот-вот, как только накоплю». Худой, вечно небритый, с цепким насмешливым взглядом, он шутил над всем подряд, особенно над тем, что его пугало. Илья знал эту привычку: так шутят те, кто ещё не научился не чувствовать.

— Привет. — Илья повесил куртку.

— Ну и как спалось? Серые просторы не беспокоили?

— Нет.

— Везёт. — Костя скорбно вздохнул. — А мне всю ночь квитанции за коммуналку снились. Тоже серые и без края. Марина Юрьевна, это лечится?

— Лечится. Работой. Тебе пора на вызов, — отозвалась Марина Юрьевна, не отрываясь от кружки.

Она была старшим фельдшером и единственной, кого Костя хоть иногда слушался. Женщина за пятьдесят, в очках на цепочке, она никогда не повышала голоса, но её почему-то всегда было слышно. Сейчас она сидела у окна и разглядывала Илью поверх очков, словно пациента, у которого не сходится диагноз.

— Ко мне вчера соседка стучалась, — Марина Юрьевна сняла очки и принялась протирать их краем халата. — В половине одиннадцатого. Правда ли, мол, что у нас люди во сне умирают, если им поле приснится. Я ей: Зоя, иди спать. А она мне про свата своего с Ленинской. У того мать месяц назад тоже во сне ушла. И тоже, говорит, ей что-то снилось.

— Что именно?

— А никто не знает. Сват не спрашивал, мать не рассказывала. — Она снова надела очки. — Но со вчерашнего вечера все уверены, что то самое.

На диване у стены сидела Вера, непривычно прямая, руки на коленях, взгляд в пол.

— Я одной Людке сказала, — глухо проговорила она. — Одной.

— Ну да, — хмыкнул Костя. — А Людка — одной сестре. А сестра — девочкам из бухгалтерии, каждой по секрету...

— Константин.

— Всё, Марина Юрьевна, рот на замке.

Из диспетчерской выглянула Людмила Сергеевна. Под глазами у неё залегли тёмные круги, и Илья в который раз подумал, что она, похоже, вообще никогда не спит.

— С шести утра трое звонили, — пожаловалась она. — Не вызов даже. Спрашивают, что делать, если приснится. Одна бабуля в трубку рыдала. — Она потёрла переносицу. — Я им: станет плохо — звоните, а снов бояться нечего. А сама не знаю, что говорить. Илья Андреевич, ну хоть вы скажите.

Илья обвёл взглядом комнату: Веру, так и не поднявшую головы, Костю, с лица которого сползла ухмылка.

— Так и говорите, — ответил он. — Умерли двое пожилых людей. У одного давление было за двести, у второй — два инфаркта. Таких вызовов у нас каждую неделю по несколько. Сны здесь ни при чём.

— А сон-то этот? — Костя больше не улыбался.

— Одному человеку месяц снилось одно и то же. Всё. Остальное додумали.

Повисла тишина. Наверху, на пустых этажах, прокатился по трубам долгий гул.

— Ну и ладушки. — Костя поднялся, хлопнув себя по коленям. — Пойду бояться чего-нибудь посущественнее. Зарплаты, например.

Он вышел. Марина Юрьевна ещё какое-то время смотрела на Илью, потом кивнула, будто подтвердив что-то своё, и отвернулась к окну. Илья опустился на диван рядом с Верой.

— Не ешь себя.

— А кого мне есть? — Вера невесело усмехнулась. — Будто я наш город не знаю. Ляпнешь слово, а к вечеру тебе его вернут, да ещё с довеском. — Она подняла на него покрасневшие глаза. — Я ж как лучше хотела, Илюш. Предупредить.

— Знаю.

Она вздохнула, поднялась и пошла прогревать машину, а в дверях, не оборачиваясь, по привычке перекрестилась.

* * *

День выдался тяжёлый. Мороз ударил под тридцать, и Мостовой, как всегда в такие дни, начал ломаться: сердечники, гипертоники, бабушка, упавшая на обледеневшем крыльце, мужик, обморозивший руки, когда полез под машину без перчаток. Между вызовами Вера молчала, и это молчание было хуже любой её болтовни.

В девять вечера диспетчер дала адрес на Лесной.

— Сорок один год, давление сто девяносто, голова раскалывается, всю трясёт. Дочка вызвала. Говорит, мать себя накрутила.

— Чем? — не поняла Вера.

В трубке помолчали.

— Полем, — ответила Людмила Сергеевна.

* * *

Лесная была окраиной, последней улицей перед настоящим лесом, чёрным и плотным, который начинался сразу за гаражами. Дом номер четыре оказался старой двухэтажкой из почерневшего бруса, каких в Мостовом оставалось всё меньше. Из трубы на крыше шёл дым: отопление здесь было печное.

Дверь пятнадцатой квартиры открыла девочка лет шестнадцати, худая, в большом чёрном худи, с короткой неровной чёлкой, будто стригла себя сама перед зеркалом. Ногти у неё были обкусаны до мяса. Она посмотрела на Илью прямо и спокойно, без той растерянности, с какой обычно встречают скорую.

— Проходите. Она в комнате. — Девочка посторонилась. — Я Лиза, мама — Ирина Гордеева. Давление мерила сама: сто девяносто на сто десять. Полчаса назад дала каптоприл, не помогает.

Илья кивнул. Не каждый взрослый докладывал так толково.

Ирина Гордеева лежала на диване в маленькой комнате, укрытая пледом, с мокрым полотенцем на лбу. Работал телевизор без звука. От печки было жарко, пахло чем-то травяным, вроде успокоительных сборов, которые продают в аптеках пенсионерам. Ирина оказалась моложе, чем выглядела: худое лицо, светлые волосы, собранные кое-как, красные от слёз глаза.

— Простите, ради бога, — она попыталась приподняться. — Зря мы вас дёрнули. Лиза вот считает, что я дура.

— Я сказала, что ты себя накрутила, — донеслось из дверного проёма. — Это разные вещи.

Илья измерил давление: сто восемьдесят пять на сто пять, пульс частый, руки ледяные. Он сделал укол, сел на табуретку у дивана и стал ждать, пока подействует. Вера осталась стоять у двери рядом с Лизой.

— Рассказывайте. — Илья кивнул на полотенце. — С чего всё началось?

Ирина помолчала, теребя край пледа.

— Я на кассе работаю, в продуктовом у автостанции. Вчера там только об этом и говорили, и покупатели, и наши девочки. Будто в городе люди мрут во сне. Сначала им снится одно и то же, серое, пустое, каждую ночь, а потом они просто не просыпаются. Трое уже, или пятеро, или вообще десять, кто во что горазд. — Она нервно хихикнула. — Я сначала тоже смеялась. А ночью легла — и не могу глаза закрыть. Вдруг усну, а оно мне приснится? И всё. Лиза одна останется... Вторую ночь так. А сегодня на работе голову будто обручем стянуло.

Вера у двери тихо выдохнула. Илья не обернулся.

— Это неправда.

Ирина посмотрела на него с такой надеждой, что ему на секунду стало неловко.

— Я на этих вызовах был, — продолжил он. — Их два, а не десять. Мужчине действительно снилась пустая серая равнина, и больше ничего, одна и та же каждую ночь. Но ему был шестьдесят один год и давление под двести. Умер он от сердца, а не от сна. Вторая женщина вообще никаких снов не видела, у неё за плечами было два инфаркта. Остальное люди сочинили. В маленьких городах всегда так.

— Честно?

— Честно. Поле — это просто сон. Зима, темнота, снег за окном, вот мозг и рисует. Ничего больше.

Она закрыла глаза, и по её лицу медленно потекли слёзы, но это были уже другие слёзы, Илья видел разницу. Через десять минут давление упало до ста пятидесяти. Через двадцать Ирина задремала, так и не сняв полотенце со лба.

Илья собрал сумку. Вера ушла вниз раньше, греть машину. В коридоре его ждала Лиза: стояла, прислонившись к стене и спрятав руки в рукава худи.

— Спасибо, — Лиза отлепилась от стены. — Она бы до утра себя изводила. Она у меня всё через сердце пропускает.

— Пусть отоспится. А завтра к терапевту, давление надо наблюдать.

— Угу. — Лиза помолчала, разглядывая его снизу вверх. — А вы сами в это верите? Что это просто сон?

Илья застегнул молнию на куртке.

— Я верю тому, что видел.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Она хмыкнула, и уголок рта у неё дрогнул.

— Ну хоть не врёте. Взрослые обычно сразу: «всё будет хорошо».

Она открыла ему дверь. Илья вышел на крыльцо, в мороз, и уже спускаясь по скрипучим ступенькам, оглянулся. Лиза стояла в освещённом дверном проёме, маленькая чёрная фигура на жёлтом фоне, и смотрела ему вслед. Ему вдруг захотелось сказать ей что-то ещё, но он не знал что. Он не помнил, когда в последний раз ему хотелось что-то кому-то сказать.

Дверь закрылась.

* * *

Вера сидела, положив руки на руль, и не спешила заводить мотор.

— Весь город на ушах, — проговорила она. — И всё из-за меня.

— Ты одно слово сказала. Остальное они сами насочиняли.

— Одно слово... — Вера горько усмехнулась, но вдруг повернулась к нему. — А ты молодец. Разложил ей всё по полочкам, по-человечески. Ты так и остальным говори, если спрашивать начнут. Тебе поверят, ты ж доктор.

— Фельдшер.

— Да хоть кто. Тебя слушают.

Она завела машину, и та, поворчав, тронулась. Илья смотрел в окно на чёрный лес за гаражами. Где-то на краю сознания у него осталось ощущение, как бывает, когда выходишь из дома и не можешь вспомнить, выключил ли утюг.

* * *

Оксана спала.

Она спала уже третью ночь подряд, и это было так непривычно и так хорошо, что по утрам ей хотелось плакать от благодарности. Кошмары кончились. Сердце больше не колотилось. Не было ни воды, ни погони, ни выпадающих зубов. Был только один сон, и он был совсем не страшный.

Поле.

Она стояла посреди него уже третью ночь. Оно было серое и ровное, без единого деревца, без кочки, без следа. Небо над ним было таким же серым, и непонятно было, где кончается земля и начинается небо. Было так тихо, как бывает, когда заложит уши в самолёте, и это не пугало, а убаюкивало. Ничего не могло произойти.

Просто поле, думала Оксана во сне. Как он и сказал. Кому-то снится и такое. Жил себе человек и жил.

Она стояла и смотрела вдаль. Ей было спокойно. Ей ничего не хотелось.

Потом она заметила, что вдалеке, у самого края, где земля слилась с небом, что-то есть. Тонкая тёмная черта, вертикальная, едва различимая. Будто кто-то воткнул в землю столб.

Оксана долго смотрела на неё, но не помнила, видела ли это вчера. А потом, просыпаясь, уже чувствуя под щекой подушку и слыша, как за окном скребёт снег лопата дворника, она успела заметить ещё одну деталь, которая показалась ей во сне очень важной, а наяву — совершенно бессмысленной:

Тень от столба тянулась через всю равнину и упиралась прямо ей в ноги.

Хотя солнца совсем не было.

Глава 4. Наблюдатель

Оксана позвонила сама, через неделю, в половине первого дня.

— Октябрьская, девять, сорок восемь, — Людмила Сергеевна прижимала трубку плечом и что-то дописывала в журнале. — Белых Оксана, двадцать девять. Слабость, головокружение, утром упала в ванной. Говорит, вы у неё уже были.

Вера, дремавшая в кресле под тиканье настенных часов, открыла глаза.

— Это которая с паникой? Медвежата на пижаме?

— Она самая. Просила, чтобы приехал «тот, высокий, который про сны объяснял». — Диспетчер подняла на Илью усталый взгляд. — Так что, Илья Андреевич, вас лично.

Костя, жевавший у окна бутерброд, присвистнул:

— Поклонница. Бувеев, ты растёшь.

Илья молча взял сумку.

* * *

Дверь им открыли не сразу. Сначала за ней долго шаркали, потом возились с замком, будто руки не слушались. Наконец щель приоткрылась, и Илья не сразу узнал девушку, которая неделю назад тряслась от страха.

Оксана похудела. Не настолько, чтобы это бросалось в глаза, но лицо как будто стало строже, острее, щёки впали, под глазами легли синие тени. Волосы были собраны кое-как. Она куталась в длинный вязаный кардиган, хотя в квартире было жарко, и смотрела на них спокойно, почти равнодушно.

— Ой, вы, — она слабо улыбнулась. — Спасибо, что приехали. Проходите.

В квартире по-прежнему было чисто, но уже иначе: так, как бывает, когда просто ничего не трогают. На плите остывала кастрюля с нетронутой гречкой. Взгляд Ильи упал на кухонный стол. На нём стояла всё та же вазочка, только ромашки из неё исчезли. Рядом лежал раскрытый альбом для рисования. Илья скользнул по нему взглядом и задержался: карандашный рисунок, тёмный, плотный, сделанный уверенной рукой. Чья-то запрокинутая голова под водой, сомкнувшейся над ней, и сквозь толщу — размытое пятно света.

— Это вы рисовали?

— Я. — Оксана смутилась и прикрыла альбом ладонью. — Кошмары свои. Старые, которые раньше снились. Пока помню. Нарисую, и он вроде уже не мой, а просто картинка. Так легче.

— Хорошо получается.

— Да ну. — Но щёки у неё чуть порозовели, впервые за весь разговор.

Илья усадил Оксану на табурет, измерил давление. Девяносто на шестьдесят. Пульс ровный, но слабый. Сахар в норме.

— Что случилось утром?

— Да ерунда. — Она пожала плечами, и кардиган сполз с плеча. — Встала, пошла умываться, а в глазах потемнело. Очнулась на полу. Минуту, наверно, лежала. Испугалась немножко.

— Немножко, — повторила Вера, стоя у окна. — На кафель-то.

— Голову не ударили? — Илья осторожно ощупал ей затылок.

— Нет вроде. Плечом только.

— Едите нормально?

Оксана задумалась, будто вопрос требовал усилия.

— Ем. Ну, как... Не хочется особо. Всё какое-то одинаковое. — Она кивнула на кастрюлю. — Вот, сварила вчера, а есть не стала. Не идёт.

— А сон?

Тут она впервые оживилась. Подняла на него глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Сплю! — призналась она с какой-то детской гордостью. — Вы не представляете, как. Первый раз за месяц. Ложусь в десять, встаю в девять, и ни одного кошмара. Ни разу. Вы тогда были правы.

— Это хорошо.

— Только вот... — Она замялась, разглядывая свои руки. — Высыпаться не получается. Сплю по одиннадцать часов, а встаю, как будто вагоны разгружала. И весь день как в вате. На работе уже косятся.

Илья кивнул и сделал пометку в карте. Анемия, гипотония, астения на фоне стресса. Анализ крови, витамины, режим. Стандартный набор.

— Сны какие-нибудь снятся? — Вопрос задала Вера, и задала слишком быстро.

Оксана перевела на неё взгляд и вдруг улыбнулась, на этот раз по-настоящему.

— Так поле же. — Она кивнула на Илью. — Как он рассказывал. Каждую ночь. Я сначала даже обрадовалась: ну, раз у других такое было и ничего, значит, и со мной ничего. Оно спокойное. Там хорошо. Тихо так. Я его даже нарисовать пробовала, как те, старые. Сажусь, а рисовать нечего. Лист и так пустой.

Вера медленно опустилась на подоконник. Илья не поднял головы от карты, но ручка в его пальцах замерла.

— Каждую ночь одно и то же? — уточнил он.

— Ну да. Только... — Оксана наморщила лоб, будто вспоминала что-то, что ускользало. — Там сначала было пусто. Совсем. А потом я заметила, что вдалеке кто-то стоит.

— Кто?

— Не знаю. Я сначала думала, столб. А потом пригляделась, нет — человек. Ну, или похоже на человека. Далеко очень, не разглядеть. — Она поёжилась и плотнее запахнула кардиган. — Он не подходит, не машет, ничего. Просто стоит. И смотрит.

— На вас?

— На меня. — Она подумала. — Ну, мне так кажется. Лица же не видно. Но когда на тебя смотрят, это ведь чувствуешь, да?

На кухне стало тихо. Под окном прогудела машина, в соседней квартире кто-то включил воду.

— А тень? — вдруг спросила Оксана. — Это же странно, да? У него тень есть. Длинная такая, до самых моих ног. А солнца там нет. Я во сне каждый раз думаю: как же так, откуда она? А как проснусь, уже кажется, что глупость.

Илья закрыл карту.

— Это внушение, — проговорил он ровно. — Вы были напуганы, я рассказал вам про чужой сон, и ваш мозг его запомнил. Взял готовую картинку и теперь показывает её каждую ночь. Так бывает. А человек вдалеке — это ваша тревога, которая никуда не делась, просто поменяла форму.

Оксана слушала, чуть склонив голову набок.

— Значит, ничего страшного?

— Разумеется. Сдайте кровь, у вас, похоже, анемия, отсюда и слабость, и головокружение. Ешьте, даже если не хочется. Через силу. Если снова упадёте в обморок — сразу звоните.

— Хорошо. — Она послушно кивнула. — Спасибо вам. Правда. Вы мне тогда очень помогли.

У двери Илья обернулся. Оксана так и сидела на табурете, в сползающем кардигане, и смотрела в окно, на двор и серое небо над ним. Смотрела спокойно и внимательно, будто ждала, что там кто-то появится.

* * *

Вера не стала заводить машину. Сидела, сцепив пальцы на руле, и смотрела перед собой.

— Внушение, значит, — наконец выговорила она.

— Да.

— Это я ей. — Голос у неё сорвался. — Я ж первая про это ляпнула, у неё на кухне. «Мужчине одному всё поле снилось». Помнишь? Если б я рот не открыла...

— Если б ты рот не открыла, я бы ей сам ничего не рассказал, — перебил Илья. — И что? У неё панические атаки. Она внушаемая, напуганная. Ей что угодно могло засесть в голову. Не это, так что-то другое.

— А человек этот? Который стоит?

— Тревога.

— А тень без солнца? Тоже тревога?

Илья не ответил. Вера повернулась к нему всем телом, и в полумраке салона он увидел, как у неё дрожат губы.

— Илюш. Я Звягину в глаза не смотрела, он мёртвый уже был. А эта девка сама... мне... прямо в них. И улыбалась. «Там хорошо». — Она передёрнула плечами. — У Звягина жена то же самое говорила: он сидел у окна и смотрел. Ты видел, как она в окно глядела?

— Видел.

— Ну и?

— У неё анемия, Вера. Гемоглобин, наверно, под восемьдесят. Человек с таким гемоглобином будет сидеть и смотреть в окно, хоть ему пустыня снись, хоть море.

Вера долго молчала. Потом повернула ключ, и мотор нехотя завёлся.

— Ты сам себя слышишь? — тихо спросила она, выруливая со двора. — Ты ж не мне это объясняешь, а себе.

* * *

Ночью было спокойно. К двум часам вызовы иссякли, Вера ушла спать на диван в комнату отдыха, Костя уехал на дальний вызов в посёлок и застрял там из-за сломанной машины. Илья остался в диспетчерской с Людмилой Сергеевной и журналом вызовов за последние три месяца.

— Зачем тебе? — спросила она, не отрываясь от кроссворда. Без Веры кроссворды на подстанции почему-то разгадывала она.

— Посмотреть хочу.

— Что посмотреть?

— Сколько у нас умерло во сне.

Людмила Сергеевна отложила ручку и посмотрела на него поверх очков. Долго, внимательно.

— Илья Андреевич, вы-то хоть не начинайте.

— Я не начинаю. Я считаю.

Он листал журнал, страницу за страницей, водя пальцем по строчкам. «Констатация». «Констатация». «Смерть до прибытия». Почерк менялся: его собственный, ровный и мелкий, размашистый Костин, аккуратный, с завитушками, Марины Юрьевны. Возраст, адрес, пред-

варительный диагноз. Мостовой умирал понемногу, но без перерывов, и в журнале это было видно лучше, чем на улицах.

За три месяца во сне умерли четырнадцать человек. Илья выписал их на отдельный листок. Потом вычеркнул тех, кому было за восемьдесят. Потом тех, у кого был рак, цирроз, тяжёлая сердечная недостаточность. Осталось пятеро. Звягин. Ремез. Мужчина пятидесяти восьми лет с Мира, умер в сентябре, диагноз — острая коронарная недостаточность. Женщина шестидесяти трёх с Горняков, в октябре. Ещё одна, с Лесной, семьдесят лет, в начале ноября.

Он посмотрел на листок. Пять человек за три месяца. Для города, где каждый второй пенсионер, это было даже немного. Ничего не значило.

Он достал из кармана куртки потрёпанный блокнот, в который обычно записывал номера телефонов и лекарства, которые надо заказать. Открыл чистую страницу. Подумал. И написал:

«Звягин А. Л., 61 г., Заречная 12-40. Поле. Месяц. Умер во сне.

Ремез Г. С., 72 г. Сердце. Про сны неизвестно.

Белых О., 29 л., Октябрьская 9-48. Тот же сон. Около недели. Человек вдалеке. Тень. Слабость, анемия?, апатия. Жива».

Подумал ещё и дописал внизу, отдельно:

«Мать свата соседки М. Ю. — Ленинская, месяц назад. Неизвестно».

Ручка зависла над бумагой. Илья смотрел на строчку «Человек вдалеке» и вдруг поймал себя на том, что видит не листок, а пустырь за двенадцатым домом на Заречной. Ровный серый снег без края. И столб у гаражей с оборванным проводом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.